Сумерки

Автор:
Андрей Бурцев

Сумерки

Андрей Бурцев

Любовь к выпивке постепенно ведет к невозможности прожить без нее и дня. Алкоголизм – это болезнь, в которой виноваты мы сами. Неустанно, день за днем, деградирует личность алкоголика, рушатся моральные и нравственные принципы, без которых человек не может оставаться человеком. Это прописные истины, известные всем, и всем уже давно надоевшие, в повести не декларируются, а показаны изнутри, глазами самого алкоголика, который понимает, как падает в бездонную черную пропасть, но не делает ничего, чтобы остаться хотя бы на краю, чтобы не уничтожить в себе человеческое до самого конца. Потому что он не привык бороться, хотя бы и сам с собой. Потому что он привык плыть по течению, махнув на все рукой, в твердой уверенности, что завтра все само по себе как-нибудь да устроится. Не устроится, не обойдется – так показано в этом произведении и так чаще всего случается в жизни. Остается лишь задать извечный вопрос: Что же вы делаете, люди?

Андрей Бурцев

Сумерки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Тамара еще из кухни поняла, что Витька пьяный, постояла возле раковины, где кучкой лежала намоченная, но не почищенная картошка, подошла к окну, заранее открыла форточку, вытерла мокрые руки о переброшенное через плечо полотенце и пошла в коридор. Но тут в проеме кухонной двери возник Витька, раскинув руки, повис на косяках, угловато выпятив плечи и чем-то похожий на болтающегося в паутине дохлого паука.

– Ты же не пьешь. – Тамара отвернулась и прошла к окну, стала смотреть на глинистый двор, на черные ноздреватые кучи таящего снега. – Ты два месяца же не пьешь… Ты мне обещал не пить и не пьешь, и я, дура, думала, что уже и не будешь…

– Я не пью, – сказал за ее спиной Витька. – Ну, выпил, подумаешь… Тут такое дело было, случай как раз… – Он прокашлялся. – День рождения, понимаешь.

– А почему ты так рано? – повернулась Тамара.

Витька стоял, по-прежнему держась за косяки и раскачиваясь. Он был в одном тапочке и расстегнутой куртке, из левого кармана которой торчала запечатанная бутылка, белея жестяной пробочкой.

– Скажешь… – Витька криво усмехнулся. – Говорю же – день рождения. У заведующей нашей, ну, она и собрала в подсобке небольшой сабантуйчик. Продавщицы там, Клавка, Зойка, Татьяна, сама Инна Константинна, конечно, и я. Да экспедитор еще сидел с нами. С базы, ты его видала, Олег, черный такой, с усами… Может, я сяду?

Витька оторвался от косяков, сделал несколько шагов по кухне и, зацепившись за угол стола, опустился на табуретку. Звякнула о плиту бутылка. Витька судорожно схватился за карман, достал ее и водрузил на стол.

– Тома, – раздался из комнаты скрипучий голос бабки Мани, – никак, Витя пришел?

– Я, баб, я! – крикнул Витька и приподнялся, схватившись за край газовой плиты, но тут же опустился снова. – А пацанята где?

– Димка в школе, а Валерка во дворе гоняет. – Тамара отходила, уже не глядела так пристально, глаза ее постепенно светлели.

– Угу. Давай-ка на стол, Томка. Раздавим с тобой бутылочку в честь дня Инны Константинны… а?

– Картошку еще варить надо. – Тамара, вспомнив об ужине, торопливо подошла к раковине. – Я же не знала, что ты так рано…

Кожура текла из-под ножа, тонкие пальцы ловко вертели шишковатую картофелину. Послышалось шарканье, шлепки по стене, и в кухню осторожно зашла бабка Маня. Она почти ничего не видела и потому, идя, похлопывала по стене и по всему, что попадалось под руку. Была она вся маленькая, сморщенная, горбатая и трясущаяся. От бесцветных глазок, сидящих в глубоких впадинах, протянулись, извиваясь в морщинах, блестящие полоски. Витька тяжело встал и, потянувшись, помог ей устроиться на стуле между столом и холодильником.

– Лежала бы ты. – Он снова сел, прислонившись спиной к плите. – Чего встала-то?

– Да скучно лежать-тось все времечко, – проскрипела бабка, водя по пустому столу трясущимися пальцами. Толкнула, не видя, бутылку, но Витька успел подхватить ее и отставил подальше.

– Радио бы себе завела, – буркнул Витька.

– Ась? – отозвалась бабка Маня, повернув к нему бурое от старости лицо.

Витька смотрел в спину Тамаре – линялый ситцевый халатик, засученный выше локтей, длинная, узкая прореха на левой лопатке. Короткая, почти

мальчишеская стрижка и мальчишеская же фигурка с острыми плечами – ничего женственного. А ведь когда-то, полных одиннадцать лет назад, было Витьке двадцать два, а Томочке восемнадцать, и были у нее густые каштановые волосы, и круглые коленки под колыхающемся при ходьбе подолом, и Витька мечтал о той минуте, о том пришедшем вскоре мгновении, когда этого подола не будет. Это было еще в те времена, когда водка стоила фантастически дешево – пять рублей двенадцать копеек…

– Как робилось, внучек? – проскрипела бабка Маня. – Кормилец ты наш.

Бабка была старая, дореволюционная, и говорила по-старинке, хотя знала многие новомодные словечки.

– А чего? – отмахнулся Витька, все еще глядя на Тамару.

– Как всегда. Порядок.

– И хорошо, и хорошо, – то ли покивала, то ли потрясла головой бабка. – Порядок он должен быть завсегда, и на работе, и в семье, а то без порядка…

Дальнейшее Витька пропустил, как давно научился пропускать бабки Манины слова мимо ушей, потому что бабка, если заведется, может говорить часами без остановки и все ж ничего не скажет не то что толкового, даже и просто осмысленного.

Тамара выгребла картошку в кастрюлю, вымыла, залила водой и пронесла на плиту мимо Витьки, скользнув ему по колену подолом. И ничего не случилось – ни волнения, ни нежности, ни желания обнять – ничего. Как не ощущалось давным-давно, целых семь-восемь лет.

Тамара поставила картошку на огонь и долго шарила в кухонном шкафу, гремя кастрюлями. Напротив скрипела, тряся головой, бабка Маня, и почему-то все это напоминало сегодняшний сабантуйчик, когда справляли день рождения.

На этот раз Витька все же обманул жену, не на все сто, правда, а так, наполовину. День рождения был, но не у какой Инны Константиновны, и вообще к магазину отношения не имел. День рождения был у закадычного дружка Лехи, с которым, как и с остальными, Витька два месяца назад обещал Тамаре не водиться и связь с которыми тщательно скрывал от нее. Праздновали, конечно, у Лехи на хате – жил он в частном домишке на кривой глазковской улочке, спрятавшейся за широкую каменную спину школы, вместе с матерью, которая всегда, как намечалась пьянка, куда-то уходила, да и вряд ли могла помешать эта седая, молчаливая женщина.

Рыжий, могучий Леха в майке и дырявых шароварах расхаживал по комнате, собирая на стол. На клеенке, на грубой оберточной бумаге уже была насыпана кучка соленой кильки – доперестроечный деликатес, – стояла банка горбуши в томате, лежала буханка хлеба. Леха доставал из старого рассохшегося буфета стаканы, резал отточенным сапожным ножом рассыпающийся крупными крошками хлеб, открывал тем же ножом, напрягая бицепсы, горбушу. За ним по пятам ковылял Одноногий, стучал костылями, скрипел половицами, кашлял. Леха ворчал на него, но без злости, любовно. Он давно уже привык к суете и беспокойству, которые всегда охватывали Одноногого перед выпивоном. Витька сидел у подоконника и отверткой вскрывал бутылки с водкой. Их было три. Одна большая, шершавая, импортная, с которой презрительно щурился на комнату бородатый Распутин. Две – наши, «Столичные», с неизменным видом Москвы. Они стояли между горшочками с какими-то растениями, которые никогда не цвели. Витька прикинул, сколько тысяч они могут стоить, и поразился. Откуда у вечно нищего Лехи деньги? Рука привычно проткнула отверткой последнюю жестяную крышечку, поддела и вывернула прочь. «Распутина» вскрывать не стал – там закрутка, никаких проблем.

Закончив с хлебом, Леха смел в широкую ладонь крошки и бросил их в рот. Одноногий стоял сбоку, глядел на него и, сунув костыль под мышку, поглаживал левой рукой заросшие вечной черной щетиной щеки. Он был старше всех в компании, за сорок уже, но старался не пропускать ни одного сборища, подлавливал кого-нибудь на улице, стучал костылями, спеша наперерез, с какой-то собачьей искательностью заглядывал в глаза – когда? Своих денег у него отродясь не водилось, зато, как никто другой, умел он сшибить у коммерческого киоска недостающие на бутылку сотенные и пятисотки.

– Ну что? – Леха перенес на стол бутылки и развел руками, точно устал, натянув на груди белесую от бесчисленных стирок майку. – Начнем или подождем?

Колям должен еще пригрести.

– О чем разговор? – Витька осмотрел зачем-то отвертку, воткнул в землю возле захудалого растеньица и тоже подошел к столу. – Начнем, конечно. Что Колям – не догонит? Он всегда догоняет.

Сели вокруг стола посреди комнаты. Одноногий, как всегда, долго умащивался на табуретке, шебуршал, устраивал все время сползающие, прислоненные к столу костыли, шмыгал носом. Леха взял бутылку и, пробормотав: «Свернем Распутину головку», быстро отвернул пробку. Постукивая горлышком – тряслись волосатые руки, – разлил по мутным стаканам белую. Витька разломил толстый кусок хлеба, посыпал солью, понюхал.

– За меня, – сказал Леха.

Больше ничего сказано не было. В день рождения пили только за именинника – так было у них заведено, – и к чему слова, когда все свои и все давно уже переговорено.

Сомкнули стаканы. Витьке плеснуло немного на руку из стакана Одноногого. Выпили.

Витька дохнул, снова понюхал хлеб, откусил, взял кильку и, сунув хвостом в рот, с наслаждением пропустил между зубами, оставив в руке хребет и голову. Леха зацепил ложкой кусок горбуши, откинулся на спинку скрипучего стула, выдохнул:

– Хорош-ша-а…

Одноногий цедил водку глотками, не пил, а рот себе полоскал. Это была его «коронка»: хлебнет водки, пополощет ей зубы, побулькает в горле, снова пополощет зубы и только потом проглатывает. Глазки у Одноногого тут же заслезились, полез трясущейся рукой в кильку, долго копался, выбирал, потом жевал вместе с костями так, что ходили из стороны в сторону щетинистые, выпирающие скулы и что-то сипело в глотке.

Стукнула входная дверь, и в комнату вошел Колям, тощий, сутулый, по глаза заросший черной бородой, похожий на цыгана и всегда мрачный.

– Уже начали, – буркнул он и полез вешать на гвоздь ржавого цвета плащ.

Леха разлил до конца «Распутина», четвертый стакан налив с «горой».

– Главное, будь здоров, именинник, – сказал Колям, подходя к столу. – Всегда будь здоров. Это главное.

Он сел между Одноногим и Витькой и уронил костыли, которые с грохотом раскатились по полу. Одноногий выругался. Колям полез подбирать костыли, ворча, что нечего тут ноги свои расставлять так, что и к столу не подберешься, долго устанавливал их в прежнем положении.

– Тебе штрафная, – кивнул на полный стакан Леха. – Мы тут уже по одной накатили.

Колям мотнул бородой, взял стакан так, что ни капли не пролилось.

– За тебя, – сказал он, снова мотнул бородой и выпил залпом, даже не поднося стакан вплотную к губам.

После этого стакана Витька – должно быть, отвык, два месяца все-таки не принимал – почувствовал, как мягкая рука зашевелилась у него в голове за глазами, что-то сжимая и разжимая. Комната заколебалась и ее заволокло дымом, наверное, от папиросы, которую закурил Леха. Витька поспешил заесть хлебом с горбушей и тоже закурил, глубоко затянулся и выпустил водочный дух пополам с дымом.

– Все ползаешь, – сказал Колям Одноногому. – Давненько я тебя, черта, не видел.

– А как же, а как же, – покивал Одноногий, пустил дым и шмыгнул бордовым носом. – Ползаю, че мне сделается. Влачу паскудную жизнишку…

– Да-а, расползается наша компашка, – протянул с сожалением Леха. – Витька вон, женатик наш, носа не кажет. Семья заела, – добавил он со злостью.

– Жена не пущает, – покивал Одноногий.

– Я Томке обещал, что завязываю с этим, – Витька кивнул на торчащие посреди стола две бутылки – пустого «Распутина» Леха убрал себе под стул. – Обещал, парни, вы уж того… не будьте в обиде…

– А седни? – не преминул подколоть Одноногий.

– Сегодня – святое дело, – хмыкнул Витька. – Праздник есть праздник. Сегодня нашему дорогому Леониду батьковичу исполнилось… Сколько тебе, Леха, стукнуло-то?

– Тридцать четыре уже. – Леха почесал под майкой волосатую грудь.

– Ну вот. Сегодня ж оно понятно. – Витька сунул погасший окурок в пустую консервную банку. – Давайте и выпьем за эти тридцать четыре…

– За тридцать четыре надобно тридцать четыре раза и выпить, – хохотнул, точно продребезжал жестянкой по камням, Одноногий.

– Денег не хватит, – сказал Витька.

– Деньги – как тараканы, – философски заметил Леха, наливая на этот раз «Столичной». – Сегодня нет, а завтра слышь – шебуршат.

– Кабы тараканы, – протянул Витька, – так и работать не надо. Тараканы, небось, сами собой заводятся.

– Так же и деньги, – сказал Леха, глядя в упор на него. Он был серьезен и почти трезв. – Голову надо иметь, Витюха, а не подставку для кепки, тогда и деньги будут.

– Можно подумать, у тебя они есть, – пробурчал Витька.

Деньги были его больным местом. Сколько он помнил себя, вокруг всегда шли разговоры о деньгах, вернее, о том, что их нет. Сперва об этом постоянно

говорили и постоянно ругались из-за этого мать с отцом, тогда еще живым и крепко пьющим. Потом об этом вздыхала мать, оставшись одна с бабкой и восьмилетним пацаном на руках, и вздыхала ровно шесть лет до самой смерти. Эстафету разговоров перехватила Тамара примерно через год после того, как стала его женой, когда Витька по примеру папаши, а может, и не думая о нем, стал «закладывать» в своей компашке, и его сначала вежливо, а потом уж и нет, начали просить то с одной работы, то с другой. В компашке тоже водились такие разговоры, особенно когда не хватало на бутылку. Одно время даже что-то вроде игры у них появилось – мечтать, что бы сделали, если б нашли миллион, но дальше «бросил бы работать и поил бы вас, черти, до посинения» дело не пошло, и игра заглохла. К тому же, миллион за последние годы быстро стал суммой смешной и незначительной, а попробуй смени его на миллиард – не прозвучит.

Витька хотел еще что-то добавить, но тут подоспел третий стаканчик. После мягкого «Распутина» родная «Столичка» наждаком деранула горло. Вещи в комнате стали уже не расплываться, а меняться местами, и расползались вдоль стенок, как тараканы. Витька старательно закусил хлебом, но это мало помогло. Совсем отвык, с непонятной жалостью пронеслась мысль.

Одноногий после третьего приема как-то сразу сломался и стукнул пустым стаканом по столу.

– Вы только послухайте, – невнятно и громко заговорил он, заплетаясь языком и, как всегда, перебрав, претендуя то на пророчества, то на жалость к себе. – Вот я инвалид первый группы. Инвалид! – Он поднял к невысокому потолку корявый грязный палец с обгрызенным ногтем. – А что я имею за свою калеченность? Во!.. – Он сложил пальцы фигой и долго тряс этой фигой в воздухе, потом повернул ее к себе, осмотрел, точно диковину. – Так же и все вы. Все! – заорал он, взмахнул кулаком и, конечно, задел костыли, которые загремели на пол.

Колям, молчаливый и совершенно, казалось, не захмелевший, полез под стол поднимать их, а Одноногий продолжал грозно-плаксивым голосом, и было ясно, что сейчас он испытывает неимоверную жалость к себе, к своей загубленной жизни.

– Вот ты, к примеру, – ткнул он в сторону Витьки. – Жинка, дети, ах, жись какая, обещания там всякие даешь… А лишись ты, к примеру, как я, ходули, долго ты будешь нужен жинке своей? А? Я вот, по-твоему, долго ей был нужен? Ровно

стоко, пока узнавала у врачей, не пришьют ли мне запасную. А как поняла, что ее не приштопать, так – фьюить! – Он протяжно свистнул. – А детки? Трое у меня, две девки, один пацан. И где они? Взрослые теперь, небось, давно «новыми русскими» стали. Очень им нужен батька-калека, коммер… ссантам? Они, почитай, уже лет десять меня не видели, забыли, верно, что отец-то их жив… Вот так-то… А вы-ы… люди-и-и… – Одноногий завыл и со стуком упал головой на стол. Сначала он громко всхлипывал, потом стал беззвучно рыдать, только плечи вздрагивали, словно отгоняли надоевшую муху.

– Готов, – ухмыляясь, сказал Леха, как отрезал.

Витька привык к Одноногому, не обижался, да и не жалел его. Он вспомнил, что Одноногий стал калекой через пьянку. Задолго еще до всякой перестройки был раз пьян в стельку и упал с платформы товарняка, да и попала нога под колесо. Пусть спасибо скажет, что не голова. Как он без головы-то пил бы сейчас?

Подумав об этом, Витька захихикал и хихикал долго, все не мог успокоиться.

Потом комната завертелась вокруг стола и тошнота подкатила к горлу. Витька затряс головой, чтобы прекратить это кружение и разогнать голубой дым, застлавший глаза. Постепенно комната остановилась, но стала почему-то мрачной и сумеречной, словно был уже глубокий вечер и солнце давно скрылось. Перед ним был наполненный стакан. Когда Леха успел, Витька не видел. Сам Леха уже держал свой стакан и подмигивал Витьке. И Колям тоже держал, уставившись в прозрачную жидкость, словно надеялся на дне ее найти нечто необыкновенное.

– За меня, Витек, – негромко сказал Леха и опрокинул стакан в широко, как ворота, распахнувшуюся пасть.

После этого четвертого Витька почувствовал, что больше не может и не должен, если хочет прийти домой на своих двоих. Одноногий лежал мордой на столе и громко храпел, его длинные волосы накрывали рассыпанную по клеенке кильку.

– Ну ладно, мужики, – с трудом ворочая языком, проговорил Витька. – Мне пора… Извини уж, Леха… Сам понимаешь – жена… пацаны со школы…

Он ожидал уговоров, упреков, но ничего такого не началось. Колям сумрачно и вроде бы понимающе мотнул бородой. Леха вдруг подмигнул и, показывая в улыбке плоские белые зубы, сказал:

– Один момент, Витюнчик, разговор есть. – Он кивнул кудлатой головой на закрытую дверь спальни, встал и твердо, не шатаясь, устремился к ней. Витька тоже поднялся, почувствовал, как пол елозит под ногами, и ухватился за крышку стола, чтобы ненароком не загреметь. Не отпуская стол, осмелился сделать шаг на непослушных ногах и, конечно же, свалил костыли Одноногого.

– Ничего. Я подниму, – сказал Колям, успокаивающе махнув ему рукой.

– Костыли… ч-черти… – прохрипел во сне, не поднимая головы, Одноногий.

После первого шага дело пошло на лад, и Витька отцепился от стола. В спальне он плюхнулся на кровать и повалился на спину. Потом, побарахтавшись, сел.

Леха плотно закрыл дверь. Слегка переваливаясь, как моряк, подошел к прикроватной тумбочке.

– Дельце есть одно, старик. Можешь мне удружить? – Он достал из тумбочки тугой газетный сверток и протянул его Витьке. Витька зачем-то понюхал его, от свертка пахло бумагой и пылью. – Подержать надо. Наверное, с недельку. Я скажу, когда отдать.

– Что… там? – запинаясь, произнес Витька, недоуменно щупая тугую газету.

Леха широко осклабился.

– Деньжата. Те самые, что как тараканы… – Он негромко хохотнул. – Два лимончика тут, – сказал он почти ласково. – Два маленьких сочных лимончика. Видишь, как я тебе доверяю. Ну, лады?

– Где… взял? – Витька языком словно булыжники ворочал.

– Там нет, – отрезал Леха. – От сырости развелись. Сыро у меня в хате. – Леха выжидательно уставился на него.

– Ладно. Мне что – жалко? – Витька, два раза промахнувшись, сунул сверток в карман брюк и с трудом выбрался из мягкого матраса. – Ну, бывай. Попылю… А то Томка панику разведет.

В комнате Одноногий по-прежнему спал мордой в кильке. Колям, неторопливо потягивая из стакана вино, молча кивнул на прощание. Витька с трудом попал в рукава куртки, переложил сверток во внутренний карман.

– Возьми на дорожку, – Леха сунул ему в боковой карман непочатую бутылку «Столичной».

На улице солнце ударило Витьке в глаза. Прохладный воздух, сменивший затхлую прокуренность Лехиной хаты, на секунду заставил его задохнуться. Подержавшись за калитку и немного придя в себя, Витька вышел на улицу…

3

Тамара, как, наверное, все женщины, не сидела спокойно за столом, поминутно вскакивала, выключала закипевший, шипящий чайник, кормила мальчишек, а потом выгоняла их из-за стола – Димку готовить уроки, а Валерку убирать в комнате игрушки, подливала бабке Мане чай и в перерывах между бесконечной суетой успевала поесть и чокаться с мужем рюмками.

После третьей рюмки Витьку окончательно развезло. Кухня, правда, уже не вертелась, но глаза стали совершенно неуправляемыми и временами глядели в двух направлениях сразу.

На другом конце стола что-то скрипела бабка Маня, не очень разборчивое и наверняка неинтересное. Ей, как всегда, налили на самое донышко, но она и это не выпила, только попробовала самую капельку. Выгодная бабка! Экономная! То и дело она давилась картошкой, надсадно кашляла, и сидевшая рядом Тамара осторожно хлопала ее по костлявой спине. В тарелке перед Витькой застыла картошка, и капли масла на ней превратились в желтые бусинки.

Тамара тоже заметно охмелела, уже не вскакивала, сидела сгорбившись, положив руки на острый подбородок.

– Витка, а, Вить, помнишь, как у нас было, когда мы только поженились? Ведь мы счастливы были… Мы были нужны друг другу. И ведь люблю я тебя, гада, – судорожно выдохнула она. – А порой терпеть не могу. Так бы и мотырнула вниз по лестнице…

– Да, Томша, да… – плохо соображая, поддакивал Витька. – Мы им еще покажем… Черная полоса… кончится…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/burcev_andrey/sumerki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить